

Лев Альтмарк

ТОЧКА ОПОРЫ - ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Лев Альтмарк

Точка опоры – точка невозврата

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Альтмарк Л.

Точка опоры – точка невозврата / Л. Альтмарк —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Историко-приключенческий детектив «Точка опоры — точка невозврата» открывает серию романов о жизни бывших россиян в эмиграции. Место действия – современный Израиль, где главный герой – бывший полицейский опер – попадает в совершенно невообразимые ситуации, расследуя загадочные исчезновения людей. Используя возможность перемещения во времени, он попадает в библейский Иерусалим, средневековую Германию, Аргентину начала двадцатого века, Россию времён Февральской революции, Украину времён гражданской войны, и в завершение – в страшный период Великой отечественной войны – зиму 1942 года. Если поначалу перемещение во времени кажется герою захватывающей игрой, то со временем он открывает для себя, насколько велика ответственность – пытаться изменить прошлое, нащупав «точку опоры, чтобы перевернуть мир», а ведь именно этого и хотят разыскиваемые им люди. Появляется риск перейти «точку невозврата» и нарушить хрупкое равновесие мира. Этого герой старается не допустить, хотя и у него есть причина вмешаться в ход истории...

© Альтмарк Л.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 1. Точка опоры	6
1	6
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лев Альтмарк

Точка опоры – точка невозврата

«Марго, – хотел я крикнуть, – земля тащит меня на верёвке своих бедствий, как упирающегося пса, но всё же я увидел вас, Марго...»
И. БАБЕЛЬ *Конармия, Замостье*

Часть 1. Точка опоры

1

День сегодня тянется, как выплюнутая кем-то жевательная резинка, размякшая на солнце и никак не желающая отлепиться от моих заношенных сандалий. Об асфальт её трёшь, о сухую траву на газоне, а она никак – вытягивается, складывается пополам, но не кончается. Так же и день...

Вытираю пот со лба и мельком гляжу на часы. До конца работы ещё больше часа, а до захода солнца почти полдня. То есть жара стандартно увеличивается, и мозги, закипевшие под моей побитой молю соломенной шляпой, будут выкипать и дальше. Пощады на солнце никому нет.

...Надо же было мне послать этого дурака-начальника на три буквы! Кто меня за язык тянул? Работал бы и дальше на уборке офисов и подземных стоянок, как все остальные, так нет же – попробовал права качнуть и мигом вылетел на улицу. Не в переносном, конечно, смысле, так как найти сегодня нормального работника на метлу и лопату практически невозможно, а в самом прямом – подметаю территорию громадной открытой автостоянки у торгового центра.

И поделом – не сподобился иврит выучить, чтобы хотя бы гипотетически появился шанс найти работу по специальности, значит, вкалывай рабом на плантациях. Однако начальное изучение иврита всё же дало положительный результат: те несколько слов, что я сумел пробормотать в лицо начальнику, были им прекрасно поняты и соответствующим образом истолкованы.

А этой автостоянке, чёрт бы её побрал, нет ни конца ни края! Начал по прохладце мести от забора, постепенно переместился к центру, а уже зовут вернуться к началу: там какой-то урод вытряхнул полную пепельницу окурков из машины и вдобавок рассыпал пакет слив. Отскребай теперь эти раздавленные проезжающими машинами блямбы от плиток да ещё догоняй летающие, как воздушные шары, пустые целлофановые пакеты...

Да пошли они все! Спрячусь-ка в тенёк, посижу пять минут, выкурю сигарету.

Но стоило мне только присесть и вытащить из кармана пачку, как тут же прилетело начальство и давай причитать:

– Куда ты исчез? Почему тебя на рабочем месте нет? Я уже всё вокруг обыскал!

– Пять минут на перекур, – огрызаюсь, – имею право. И ты имей совесть...

Но начальство отмахивается:

– Ладно, всё в порядке. Там за тобой люди приехали, оставь метлу и совок и дуй в офис. Я сейчас пришлю кого-нибудь на подмену...

– А с оплатой как?

Начальство морщится, но великодушноничает:

– Не переживай, я тебе весь рабочий день поставлю... Хотя и работничек из тебя – боже упаси!

Кому это я понадобился? Что это за люди, которые ожидают меня в офисе, а придурок-начальник аж бегом за мной примчался, несмотря на своё обширное брюхо и короткие ножки?

В офисе приятно шуршит кондиционер, и по моему потному лбу прокатываются холодные волны гуляющего ветерка.

За столом начальника сидят два полицейских. Один незнакомый, а второго, кажется, я видел, когда был последний раз в полиции. Помню, что он разговаривает по-русски с большим акцентом, но без него я бы там вообще ничего не понял.

– Здравствуйте, Даниэль, – говорит тот, который знает русский язык, и встаёт со своего стула. – Вот видите, совсем немного времени прошло, и мы с вами встретились снова. А вы были так расстроены...

– Что-то в мире изменилось? – вместо приветствия отвечаю я. – Или доблестная израильская полиция передумала и решила всё-таки взять на работу бывшего российского сыскаря даже без знания базового иврита?

– Насчёт работы пока ничего определённого сказать не можем, но мы решили попросить вас об услуге.

– Вот даже как! – Я цокаю языком и нахально присаживаюсь на свободный стул. – А кто вместо меня будет работать на солнцепёке и зарабатывать жалкие гроши для моей семьи?

– С деньгами уладим, не волнуйтесь.

Тут полицейские стали переговариваться друг с другом на иврите, и я улавливал только отдельные знакомые слова. Потом мой собеседник повернулся ко мне и сказал:

– Капитан Дрор просил сказать, что ты поступаешь в наше распоряжение на неделю, а дальше видно будет. Пойдёт дело, и можно будет подумать об исключении из правил специально для тебя...

Вот оно как повернулось, прикидываю я лениво, тут бы обрадоваться и захлопать в ладоши, но... будем сдерживать эмоции. На самом деле мне было очень обидно.

Я приехал в Израиль три года назад и сразу отправился в полицию. Просто эта работа была для меня самой близкой и родной, ведь ничего другого я не умел и не хотел делать, а преступники, как мне казалось, повсюду одинаковые. Фантазии у них не сильно много, и преступления всегда совершаются, по сути дела, по одинаковым схемам. Так же и замечаются следы. А уж по части хождения по этим следам я кое-какой навык имею. Не всегда стандартный, за что неоднократно получал плюхи на прежней работе, но главное было в том, что результаты превосходили ожидания моих начальников. Если у меня и случались какие-то проколы, то незначительные, с которыми можно спокойно спать и не винить себя за ошибки. Нары, предназначенные Вс-вышним для отлавливаемых мной бандитов, никогда не пустовали.

Так вот, в израильской полиции мне выдали в кадрах кучу анкет, а когда я виновато поведал, что сам их заполнить не смогу и пусть мне кто-нибудь поможет, мне мигом указали на дверь. Да ещё обиделись, мол, что ты морочишь голову, если даже двух слов на иврите связать не можешь?! Оттуда я ушёл, как оплётанный, но попыток поступить на работу в полицию не оставил. Разыскал своего бывшего подчинённого Лёху Штруделя – это у него не фамилия, а кличка такая, которую он получил за круглосуточную прожорливость, – и поинтересовался о том, как ему удалось проскочить в полицию на хлебную должность участкового, который рыскает по заявам от измученного бытовыми правонарушениями населения?

– А что ты хочешь, – нахально заявил мне тогда этот гусь лапчатый – во-первых, я на пять лет раньше тебя сюда приехал, во-вторых, младше тоже на пять лет. Сам должен понять, что фора в десять годков – это тебе не штрудель с маком. Плюс усердное изучение иврита. И учти – иврита не базарного, а юридического, на котором менты да адвокаты между собой общаются. У меня, понимаешь ли, кругозор широкий и мозги свежие, а у тебя, прости, заточены только на ловлю бандитов. Улавливаешь разницу?

Хотел я было врезать ему по шее, как поступал иногда в прежней жизни, пока никто из окружающих не видел, да не стал. Лёха-то поймёт, он мужик свой, почти родной, а вот как воспримут это здесь, если кто-то про битё по шее полицейского проведает, ещё неизвестно.

– Ну, и что бы ты посоветовал, мозг ты наш свежий? – поинтересовался я у него.

– Бросай всё и садись за учебники, – уже без улыбки заявил Лёха, – других вариантов нет. Если, конечно, хочешь когда-то попасть к нам в полицию. Сыщик-то ты от бога, вот только это надо здесь сто раз доказать.

Засесть-то я за учебники засел, только дело не пошло. Видно, проскочил ту золотую пору, когда новые словечки гладко укладываются под твою черепную коробку. Наверное, там должно быть некоторое незаполненное пространство, как у Штруделя, – я так и прозвал его с той минуты, – а вот у меня голова забита до отказа. Чем? Да кто ж его знает, чем, только не лезет иврит, хоть ты тресни.

Более того, сижу день и ночь, глаз не смыкаю, зубрю, как проклятый, а самого прямо-таки от злости распирает. Я тут, понимаешь ли, глагольные инфинитивы вслух бубню, а где-то в это время детишек педофилы мерзопакостные насилюют или здоровые лбы со старушек кольца да серёжки сдирают. Вот где от меня настоящая польза была бы, а не за этими неподъёмными книжками...

А тут спустя некоторое время Штрудель самолично позвонил мне и похвастался, что перевели его за особые заслуги в отдел по расследованию особо тяжких преступлений, и он уже замолвил начальству словечко, мол, есть у него на примете один неустроенный по жизни сыщик, который в прежней жизни розыскные чудеса творил, а тут никак не может вернуться к прежней своей работе. Ну, и начальство ответило, дескать, пускай приходит, может, что-то и сложится.

Пошёл я в полицию повторно, но уже не в кадры, а непосредственно к начальникам Штруделя. Побеседовали со мной, покачали головами, а результат остался прежний: нельзя без языка, хоть ты удавись. Как ты будешь бумаги заполнять? А как с преступниками общаться, если они русского языка не знают? То-то и оно, иди с миром, учи свои инфинитивы...

Совсем я скис, но делать нечего, нужно как-то устраиваться в этой жизни. Так я и попал на уборку, ведь никаких других вариантов жизнеустройства больше не вырисовывалось.

Но где-то внутри меня зрело какое-то неясное чувство, что не может существовать такое положение до скончания веков. Это же будет абсолютная вселенская несправедливость, если я так и закончу свои дни когда-нибудь от теплового удара в обнимку с совком и метлой, а местные бандиты, мало чем отличающиеся от своих российских собратьев, будут прекрасно себя чувствовать без моей отеческой опеки! Не может такого быть по определению...

Вот, наконец, и приехали за мной, чему я, признаться честно, несколько не удивлён. Дело вовсе не в том, что я прямо-таки какой-то супер сыщик, без которого земной шар перестанет вертеться, просто... должна же существовать справедливость на земле! Каждый муравей должен выполнять свою определённую природой функцию. А моя функция одна-единственная – ловить и сажать преступников.

Когда мы сели в полицейскую машину – капитан Дрор спереди рядом с водителем, а мы с русскоговорящим полицейским сзади, – то он мне шепнул на ухо:

– Сейчас он будет говорить, а ты слушай и не перебивай. Я тебе переводить буду. Приедем в управление, там все вопросы и задашь, хорошо?

– Ваш приятель по имени Алекс, который рекомендовал мне с вами познакомиться, – начал Дрор низким, хорошо поставленным голосом, – говорил, что вы прежде творили чудеса розыска. Это правда? – И не дожидаясь моего ответа, продолжал. – Мы проверили по своим каналам и узнали, что о вас и в самом деле много хвалебных отзывов. Скажите, только честно, зачем вы бросили такую успешную карьеру в России и приехали сюда?

– На то много причин, – начал я, но он меня прервал:

– Не надо ничего говорить. Всё уже в прошлом. А сейчас вам выпал шанс доказать свой профессионализм у нас. Вы готовы?

– Всё это общие фразы, – вздохнул я, до конца не доверяя его словам, – я так понимаю, что у вас какое-то тупиковое дело, которое расследовать не можете, да? И прикрыть его нельзя, потому что оно уже получило общественный резонанс...

Тут русскоязычный стал толкать меня локтем в бок, но Дрор обернулся и погрозил ему:

– Переводи слово в слово!

– А что мне ещё сказать? – Я пожал плечами. – Выбора у меня нет. Конечно же, я готов поработать...

– Вот и прекрасно. – Дрор отвернулся и стал глядеть на дорогу. – Это всё, что я хотел от вас услышать. С сегодняшнего дня вы поступаете в качестве нештатного сотрудника полиции в распоряжение лейтенанта Винтермана, а вашего приятеля и бывшего сослуживца Алекса я приставлю к вам в качестве переводчика и помощника...

Всю дорогу до управления мы молчали, и я раздумывал о том, как Лёха будет доволен тем, что мы снова работаем вместе, а уж как я рад тому, что всё возвращается на круги своя...

Лейтенант Виктор Винтерман не понравился мне сразу. Толстый нескладный субъект с холёными пухлыми ладошками, и я сразу обращаю внимание на его аккуратно обработанные пилочкой ногти. Если у полицейского из отдела по особо тяжким преступлениям есть время заниматься такой ерундой, то одно из двух: или тяжких преступлений в Израиле больше не происходит, или владельцу пилочки всё по барабану. Первое, к сожалению, из области фантастики, а вот второе – совершенно никуда не годится. Был бы я начальником этого пузыря, я бы погонял его по городу, как бешеную собаку. Но начальник здесь, увы, пока он...

– Наслышан о вас, – вежливо булькает Винтерман, здороваясь за руку, и сразу же тайком вытирает ладонь о штанину. Видно, мои не отмытые от уличного мусора руки его не вдохновили. – Значит, сразу и приступим к делу. Алексей, достань папку с основными материалами... Вот ваш стол, за которым будете работать. – Он указывает широким жестом на стол около стеллажа с аккуратными рядами пронумерованных папок.

Лёха сияет, как начищенный пятак, потому что ему всегда очень нравилось работать со мной. Да и я к нему привык. Короче, два сапога пара.

Я молча сажусь на стул и жду, пока Штрудель, как заправский официант, подаст мне папку. Без интереса пролистав несколько страничек, я поднимаю глаза на Виктора:

– Давайте поступим так. Расскажите мне своими словами суть дела, а если понадобятся какие-то детали, Алексей найдёт их в деле и переведёт...

– Какие-то детали... – хмыкает Винтерман и с сожалением глядит на меня, мол, потерял ты, брат, свою квалификацию, а мы тут должны время на тебя тратить. – Хорошо. У нас люди пропадать начали. Притом при весьма странных обстоятельствах – ни следов после себя не оставляют, ни улики. Поначалу мы решили, что тут какие-то или криминальные разборки, или долги и побеги от кредиторов, или националистические мотивы. Но ничего такого нет. Даже никаких трупов мы не находим.

– Сколько всего человек пропало?

– Уже шестеро.

– И вы решили, что это серия?

– Ну да. Очень похоже.

– А почему вы так решили? Что-то эти пропажи всё-таки объединяет?

– Почти ничего. Все эти люди совершенно разные – и по социальному положению, и по возрасту, и по достатку.

– Но вы всё-таки что-то нарыли?

Винтерман морщится от грубоватого словечка, но терпеливо объясняет:

– Почти ничего. Какие-то мелкие незначительные детали. Но они настолько условные, что вполне могут объединять ещё добрую тысячу людей с улицы... Просто что-то нам подсказывает...

Тут я усмехаюсь и ядовито замечаю:

– Так об этом в протоколе и записано? Профессионалы, блин...

И сразу Винтерман деловито подхватывается со стула и глядит на часы:

– Короче, Алексей, помоги человеку войти в курс дела, а я должен идти к начальству. Через час вернусь. – А потом мне персонально: – Не советую вам, Даниэль, со мной в таком тоне разговаривать. Никому от этого пользы не будет. А вам тем более...

После его ухода мы некоторое время сидим молча, потом Штрудель виновато разводит руками:

– Не трогай ты его. Разве не видишь, что шеф комплексует? Раньше он был тут звездой сыска, хотя ничего серьёзного, по большому счёту, до последнего времени не раскрыл. Да и не случалось у нас ничего серьёзного. А в тебе он сразу почувствовал угрозу своему мирному существованию...

– Какая я для него угроза? Я даже не в штате и вряд ли когда-то в нём буду. Пригласили меня в качестве одноразового презерватива – используют по назначению и смывают в унитазе.

На мгновение Штрудель задумывается, в красках представляя нарисованную мной натуралистическую картинку, потом замечает:

– Но ты его всё равно без причины не дразни. Витюха – мужик не вредный, а от начальства всегда прикроет, если что. А недостатки у всех есть.

– Меня-то чего прикрывать? Я тут человек вольный – что-то не понравилось, развернулся и пошёл домой. Никому ничего не должен... Но заболтались мы что-то. Давай, вводи в курс дела.

Но, к моему разочарованию, никакого дела как раз и не было. Всё оказалось скучным и банальным, сродни корявому рапорту полуграмотного сельского участкового. Я-то думал, что местные шерлоки холмсы пытаются расследовать какое-нибудь леденящее кровь убийство с кучей выносящих мозг подробностей и напрочь обрубленными концами, а тут не только нет трупа, но даже никто ни на кого не в обиде.

Первая бумага из дела гласила следующее. Неделю назад репатриант из России Юрий Вайс вернулся, как обычно, с работы, отужинал с женой и детьми, посмотрел телевизор и отправился в спальню. Там он взял почитать книжку – и всё. Когда жена спустя полчаса пришла в спальню, ночник горел, полураскрытая книжка лежала на подушке, постель была расстелена, но на ней никого не оказалось. Сперва жена подумала, что супруг вышел перед сном покурить, но мужа не оказалось ни на балконе, ни на лестничной площадке – нигде. Правда, она вспоминала, что кто-то позвонил муж в такое позднее время, но такое иногда случалось, когда его вызывали на работу. Его сотового телефона дома не оказалось, видно, прихватил с собой.

До утра она проворочалась, то засыпая, то просыпаясь, а утром чуть свет отправилась в полицию. Но там над ней только посмеялись, мол, найдётся ваш супруг, не сомневайтесь. Бывают у мужиков такие заскоки, что исчезают куда-то в одночасье, а потом появляются. Может, и в самом деле, звонили с работы и попросили срочно прийти, а может, любовница или друг-собутыльник. Бедная дама им в ответ, дескать, такого никогда не было, а ей твердят, что всё случается когда-то в первый раз. Короче, заявление всё же приняли, но хода ему не дали – кто ж будет расследовать бытовуху, в которой никто не пострадал, никто никому физиономию не начистил, и даже кошелёк ни у кого из сумочки не пропал?

А на третий день, когда бедная супруга снова явилась в полицию уже со скандалом, делу дали ход. Патрульная машина с двумя полицейскими съездила в адрес, где ещё раз опросили её и детей, осмотрели спальню, в которой перед исчезновением находился Вайс, для порядка потрусили соседей на лестничной площадке, и на этом всё закончилось. На его работе клялись, что никого никуда они за последние дни по ночам не вызывали.

Где искать пропавшего репатрианта из России, было неясно, поэтому полицейское начальство приняло соломоново решение: если дело не связано с криминалом, – а такого вроде не просматривается, – и человек где-то наверняка прячется, то и искать его нет причины. Бесмертный ментовский принцип «нет тела – нет дела», как ни странно, прекрасно прижился и в

израильской полиции. Дело передали Винтерману, который слыл в управлении специалистом по правильному оформлению документов, чтобы к нему потом никакой комар носа не подточил, и Виктор аккуратно приплюсовал его к другим висякам – скучным и бесперспективным, лежащим стопкой на его рабочем столе и потихоньку перекочёвывающим в архив.

Но раз в году у Виктора случаются обострения бдительности, и он, лениво копаясь в бумагах, вдруг обнаружил ещё пять дел с исчезновением людей за последнее время.

– Стоп, – прерываю я многословные объяснения Штруделя, – я понимаю, что твой бравый лейтенант решил объединить все эти исчезновения в серию. Но причины-то исчезновений людей могут быть самые различные. Что заставило Вайса исчезнуть? Что заставило исчезнуть всех остальных пропавших?

– В том-то и дело, что никаких видимых причин не наблюдается! – охотно поясняет Лёха.

Я встаю и начинаю расхаживать между столами, но мыслей никаких, словно они уже давным-давно выпарились на жарком израильском солнышке:

– В общем, так. Сделай мне, пожалуйста, справку с именами пропавших людей, их происхождением, возрастом, работой, семейным положением и датой исчезновения. Короче, всё, что на них есть. А пока ты будешь делать, я наведуся к Вайсам. Надеюсь, у Винтермана спрашивать на это разрешения не надо?

– Вообще-то, надо. – Лёха чешет нос, а потом машет рукой. – Хотя ты человек вольный, думаю, можешь и без разрешения обойтись.

2

Чета Вайсов жила в стандартной пятиэтажке на столбах в старом районе, заселённом, в основном, репатриантами восьмидесятых-девяностых годов. Дом был в меру обшарпан, испи-сан по стенам всевозможными гадостями, комментирующими пририсованные тут же кар-тинки эротического содержания, с подъездами, заваленными необходимым в хозяйстве, но уже вышедшим в тираж хламом, и небольшими островками свободного пространства у дверей в квартиры.

Зина, так звали супругу исчезнувшего Юрия, оказалась весьма неприветливой дамой с си-плым прокуренным голосом и тёмным неухоженным лицом.

– Тут уже ваши приходили и расспрашивали, – недовольно говорит она, – я три раза всем обо всём рассказала. Что тут неясного? Пришёл с работы, поел, свой сериал посмотрел и пошёл спать. А потом исчез. Если интересно как, то через дверь в квартиру. Никакой Карлсон за ним в окно не прилетал. Вот и всё...

– Вы ничего необычного в тот день не заметили? Может, он был взволнован, когда при-шёл с работы, напуган или возбуждён? Он что-нибудь рассказывал?

– Ничего особенного. Юра человек не сильно общительный, а на работе так устаёт, что ему не до разговоров.

– А кем он работает?

– Автослесарем в гараже. Как курсы два года назад закончил и устроился на работу, так с тех пор ишачит на одном месте.

– А кем он был до приезда сюда?

– Учителем. Историю детям в школе преподавал. Но нисколько не жалеет, что поменял специальность. Не раз говорил, что ему нравится возиться с машинами, а в школе всегда голов-ная боль. Так что он вполне доволен своей работой, если вас это интересует.

– А друзья у него были?

– Какие друзья? Тут времени свободного на свою семью не остаётся, не то что на друзей. Вся жизнь у него – из дома на работу и с работы домой. Раз в месяц мы, конечно, выбираемся куда-нибудь в лес или на море, и то не всегда. Последний раз ездили почти два месяца назад. Юрий говорит, что так устаёт на работе, что сил остаётся только до кровати доползти. Куда уж за руль садиться...

Прицепиться было совершенно не к чему, поэтому я прошу:

– Можно вашу спальню осмотреть? Ну, то место, где он находился перед исчезнове-нием...

– Что там смотреть? – фыркает Зина. – У меня там не прибрано. Кровать не застелена.

– Ничего страшного, – успокаиваю её, – для меня это неважно. Хочется просто составить полную картину.

В спальне и в самом деле полный бардак. Чувствовалось, что шкаф, стоящий в углу набит тряпьем до отказа, а то, что не влезло, живописными мятыми кучами набросано на двух сту-льях и маленьком столике вперемешку с какими-то кремами и одеколонами. Рядом с одной из подушек на кровати лежит кверху обложкой распахнутая книга.

Что-то искать здесь и в самом деле полное безумие, поэтому я машинально беру книгу и верчу её в руках. Невольно отмечаю про себя, что это бунинские «Окаянные дни». Да уж, неплохую литературу почитывает израильский автослесарь после тяжёлого рабочего дня. Хотя... сам-то я сегодня кто? Даже, пожалуй, до слесаря не дотягиваю, весь день парюсь с сов-ком и метлой на открытом солнце. И не до книжек мне...

Взгляд невольно притягивает выделенный красным фломастером фрагмент на раскрытой книжной странице:

«...2 мая 1919.

Еврейский погром на Большом Фонтане, учиненный одесскими красноармейцами.

Были Овсяннико-Куликовский и писатель Кипен. Рассказывали подробности. На Б. Фонтане убито 14 комиссаров и человек 30 простых евреев. Разгромлено много лавочек. Врывались ночью, стаскивали с кроватей и убивали кого попало. Люди бежали в степь, бросались в море, а за ними гонялись и стреляли, – шла настоящая охота. Кипен спасся случайно – ночевал, по счастью, не дома, а в санатории «Белый цветок». На рассвете туда нагрянул отряд красноармейцев.

– «Есть тут жида?» – спрашивают у сторожа. – «Нет, нету». – «Побожись!»

Сторож побожился, и красноармейцы поехали дальше.

Убит Моисей Гутман, биндюжник, прошлой осенью перевозивший нас с дачи, очень милый человек...»

Зачем исчезнувший Вайс выделил именно этот абзац? Привычка отставного учителя истории пометать для себя какие-то ключевые фразы? А может, тут говорится о каких-то его дальних родственниках, сведения о которых он собирал?.. В любом случае, это к нашему делу об исчезновении вряд ли относится.

На всякий случай, оглядываюсь по сторонам и под кучей только что выстиранных, но ещё не глаженных маек замечаю ещё одну книгу. Других книг вроде больше нет.

– Я посмотрю? – спрашиваю Зину, и та молча кивает.

Второй книгой оказалась «Конармия» Бабеля. Да уж, специфический интерес у человека к Гражданской войне в России. Сегодня народ в большинстве своём читает высосанные из пальца детективы целой кучи авторов, не имеющих к детективным расследованиям никакого отношения, а так же наиглупейшую фантастику – плод больного воображения, опять же не имеющую к настоящей фантастике никакого отношения. А тут Бунин, Бабель... Честное слово, на душе потеплело, хоть это вовсе не входит в круг моих сегодняшних интересов.

Оглядев для порядка углы, заваленные хламом, и зачем-то заглянув под кровать, я вздыхаю и бормочу Зине:

– Спасибо. Пойду, пожалуй. Если что-то вспомните или появится что-то интересное для нас, то сообщите.

Уже у дверей Зина неожиданно интересуется:

– А скажите, у нас часто люди пропадают? У вас же в полиции есть какая-то статистика?

– Думаю, что не часто. – Может, я и сказал бы что-то иное, если бы знал точно.

– Думаете? Так вы, значит, не знаете?.. Вы, вообще, из полиции? Вон, формы на вас нет, и в одиночку вы пришли. Можно ваши документы посмотреть?

– Какое это отношение имеет к пропаже вашего мужа? – невесело усмехаюсь я. – Если бы я был самозванцем, какой мне был бы интерес копаться в вашем белье в спальне?

– И в самом деле. – Зина отворачивается и уже не смотрит на меня. – Идите, до свидания.

– Да, – на всякий случай интересуюсь я, – что думают в гараже, где Юрий работает, обо всём этом?

– Звонили и сказали, что если он в течение дня-двух не появится на рабочем месте, то может уже не приходиться даже за расчётом.

– Знакомая ситуация...

По дороге в полицию звоню Штруделю:

– Ну как, справка готова?

– Давно тебя дожидается. А у тебя что нового? Ещё не отыскал Вайса? Тут тебя Виктор с нетерпением ждёт.

– Что ему от меня надо?

– Решил, что ты в одночасье горы перевернёшь и закроешь все наши нераскрытые дела.

– Твоя, что ли, работа? Ты про меня ему дифирамбов напел?

Штрудель самодовольно ухмыляется:

– Думаешь, иначе тобой кто-нибудь заинтересовался бы? Не без того. С тебя поляна.

– Придётся рыть землю под ногами, – невольно усмехаюсь я, – а то тебя ещё попрут с работы, если не оправдаю доверия.

– Уж, сделай милость, барин, не подведи! – ёрничаёт Лёха, но дальше его слушать неинтересно, и я выключаю телефон.

За время моего отсутствия в отделе ничего не изменилось. Винтермана на месте опять нет, и Лёха, пользуясь отсутствием начальства, смотрит по компьютеру какую-то футбольную трансляцию. В ответ на моё недовольное ворчание он выдаёт домашнюю заготовку:

– Ты теперь не мой начальник! Виктор же против футбола ничего не имеет...

– ...Когда все дела закончены! – договариваю за него. – Где моя справка?

– Вот, пожалуйста.

Я мрачно сажусь за свой стол и углубляюсь в аккуратно распечатанную на компьютере тонкую стопку листов.

– Кто-нибудь из этих людей, – через некоторое интересуюсь я – ещё говорит по-русски?

Не отрываясь от футбола, Лёха сообщает:

– Под номером пятым доктор Давид Лифшиц.

Переворачиваю пару листков и нахожу указанную фамилию:

– Пойду, к нему наведуся.

– Гиблое дело, – не отрываясь от футбола, сообщает Штрудель, – доктор живёт один, и никто тебе дверь в его квартиру не откроет. Нужен ордер, так что жди Винтермана.

– А кто сообщил о его исчезновении?

– С работы позвонили, из больницы кассы. Сказали, что он не появляется, хотя раньше такого за ним не наблюдалось, и телефон его не отвечает. Хоть и не выключен, но не отвечает. Вероятно, лежит дома за запертой дверью.

– Что же тогда делать будем? – Я встаю из-за стола и прикуриваю сигарету.

– Ты что делаешь?! – подсказывает, как ужаленный, Лёха. – У нас в отделе Винтерман категорически запретил курить! Унюхает запах – шуму будет!

– А ты-то сам давно бросил? – Делаю глубокую затяжку и с сожалением поглядываю на Лёху.

– Я не бросил, но, как юный пионер, бегаю тайком курить на улицу и в туалет.

Так и быть, не станем испытывать фортуны, покурим в распахнутое окно.

– Слушай, – доносится до меня Лёхин голос, – давай отправимся в ещё один адрес вместе. Ну, туда, где разговаривают только на иврите. За компанию с тобой развеюсь. А то уже надоело с шефом безвылазно сидеть и выслушивать его нравоучения.

– Вы каждый день так плодотворно работаете?

– Почему каждый день? Бывает, по несколько дней здесь не появляемся. Тогда для меня кайф. Но когда нет ничего срочного, Винтерман требует, чтобы я никуда не отлучался. Оттого и футбол у нас в отделе допускается. Чтобы, так сказать, суровые будни подсластить...

– Счастливые вы, ребята! – печально замечаю я. – У вас времени и на сладости хватает... Короче, выбирай, к кому пойдём, и собирайся. Я тебя принимаю назад под своё крыло.

Пока я изучаю листок с данными нашего очередного клиента, Лёха звонит Винтерману и докладывает, что мы отбываем в неизвестном направлении и сегодня вряд ли вернёмся.

– Ещё же двенадцати нет! – удивляюсь я. – Мы до вечера можем спокойно успеть посетить пару человек. Это как минимум. А если поднатужиться...

– А зачем? Кто нас гонит? Трупов нет, общественность не негодует, начальство на пятки не наступает. Да и Винтерман ничего против иметь не будет. Он и сам посидит часов до четырёх-пяти и с чистой совестью домой отчалит...

Я только качаю головой, потому что мне нечего сказать о нравах в их полицейском управлении. Да и не моё это дело – разовому презервативу менять устоявшийся распорядок в их тихом болотце. С другой стороны, это же мечта любого государства, чтобы его полиция маялась от безделья. На прежней моей родине у ментов работы было навалом. К громадному сожалению...

Мы поехали на машине Штруделя, и я, чтобы не терять время, я изучаю листки дальше.

– Итак, второго нашего клиента зовут... – Сперва читаю про себя, а потом повторяю вслух. – Иехизкиель Хадад. Ну, и имечко! Это ж как родителям надо было не любить своего сына, чтобы так назвать!

– Это твоему российскому уху непривычно, – хохочет Лёха, не отрывая взгляда от дороги, – а у ребят из восточных общин, да ещё религиозных, такие имена в порядке вещей.

– Пока мы не приехали, выдай про них какую-нибудь информацию. Чтобы лицом в грязь не ударить.

Лёха некоторое время помалкивает, вслушиваясь в разухабистую ивритскую песню по приёмнику, потом отвечает:

– Что сказать об этой публике? Сам на месте прикинешь, что и как. Первый год в стране, что ли?

– Твоё мнение хочу услышать.

– Скажу одно: живут ребята по Торе. Или им кажется, что живут...

– Понял. – Мне-то казалось, что у полицейских всегда больше информации о всяких закрытых группах населения, чем у нас, простых обывателей, изначально настроенных против любого, кто живёт иной жизнью, чем ты, но выходило, что это не всегда так. – Придётся ориентироваться по ходу дела...

– Узнаю своего бывшего ментовского начальника! – хихикает Штрудель. – А то я уж думал, что укатали Сивку израильские горки!

Назвать виллой жилище Хададов трудно, хоть это и отдельно стоящий дом, окружённый сетчатой оградой с натянутой поверх сетки пыльной синей плёнкой. Вокруг дома повсюду наставлены какие-то сарайчики и закутки, к которым ведут протоптанные неряшливые тропинки, выложенные битой уличной плиткой.

На приступке у калитки нас встречает пожилой дядька в белой мятой рубашке навывпуск и легкомысленных расписных пляжных шортах. Он издалека разглядывает нашу машину, но не делает ни шага навстречу, лишь следит за ней долгим безразличным взглядом.

– Здравствуйте, это мы вам звонили, – энергично приветствует его Штрудель.

– Заходите. – Мужчина неохотно распахивает скрипучую калитку и указывает жестом на полуоткрытую дверь в дом. – Хотите холодной воды или сока?

Мы проходим сразу в салон, потому что прихожей тут нет, и мужчина вежливо представляется:

– Меня зовут Авраамом, я – отец Иехизкиеля. Он был хорошим мальчиком...

– Почему был? – шепчу я Лёхе. – Они его уже похоронили, что ли?

– Почему «был»? – повторяет Штрудель и вопросительно сверлит Авраама взглядом.

Папаша Иехизкиеля печально разводит руками и неуверенно бормочет:

– Он никогда из дома не исчезал надолго. В иешиву, а потом сразу домой. Он был очень хорошим учеником, наш рав всегда его хвалил и постоянно повторял, что если он будет так

учиться и дальше, то его ждёт большое будущее... Впрочем, сейчас я позову жену, пускай она поговорит с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.